

БЕРЕЗКИН Юрий Михайлович

Доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой финансов
Байкальского государственного университета экономики и права

664003, РФ, г. Иркутск, ул. Ленина, 11

Контактные телефоны: +7(3952)2-5555-0 доб. 171, +7(950)060-17-41

e-mail: finans@isea.ru, bym4@mail.ru

Мировой финансовый кризис показал: необходим выход за рамки экономических теорий

Аннотация: Анализируется ситуация, сложившаяся в экономической литературе после мирового финансового кризиса 2008-2010 годов. Показываются фундаментальные причины неработоспособности современных экономических теорий («мэйнстрима»). Обосновывается точка зрения, согласно которой для адекватного ответа на вызовы времени, необходим принципиальный выход за рамки экономических теорий и принятие на вооружение парадигмы деятельностного подхода и методов экономической инженерии.

Ключевые слова: мировой финансовый кризис, кризис мэйнстрима, экономика, деятельность, праксиология, деятельностный подход, экономическая инженерия.

1. Введение

Прошло больше пяти лет с тех пор, как осенью 2008 года разразился мировой финансовый (экономический) кризис. За это время разными авторами было проведено уже довольно много исследований данного события – причин его возникновения, характера протекания и оценок возможности рецидивов. В списке литературы в конце статьи отмечены лишь некоторые из них (Ариэли, 2009; Березкин, 2009; Бочко, 2012; Нижегородцев, 2009, 2012; Татаркин, 2009; Хазин, 2008).

Но параллельно с валом публикаций, посвящённых самому кризису, в последнее время стали всё чаще появляться работы, носящие рефлексивный характер, в которых пристальному рассмотрению подверглись экономическая наука и господствующие в ней последние десятилетия экономические теории – так называемый «мэйнстрим».

Авторы этих работ пытаются дать ответы на очень нелёгкие вопросы: почему практически для всех – для самих экономистов мэйнстрима, политиков, банкиров, домохозяйств и других – так неожиданно случился столь разрушительный кризис, и куда при этом глядела экономическая наука? Почему почти повсеместно официально признанные теории экономического мэйнстрима, за разработку которых Нобелевский комитет присудил уже немало премий, не только не смогли предсказать надвигающийся кризис, но не сделали на этот счёт даже робких намёков? Почему ни экономическая наука в целом, ни политики ведущих стран мира не прислушались к тем редким учёным и специалистам¹, которые заранее предупреждали о надвигающемся кризисе невиданной ранее силы? Наконец, почему политический «бомонд» США (как, впрочем, и

¹ Например, О. Григорьев, А. Кобяков и М. Хазин (Хазин, 2008) задолго до 2008 г. писали о нарастающих в США структурных диспропорциях в экономике и приближающемся кризисе. Кризис был также предсказан представителями австрийской экономической школы, или праксиологии (П. Щедровицкий, 2011, с. 15) и другими западными учёными (Кирман, 2010, с. 11).

большинства других стран мира, включая российский) на словах поддерживают учёных-экономистов, исповедующих идеи мэйнстрима, а в практической макроэкономической политике «избегают любого следования правилам, предпочитая обязательствам свободу и гибкость» (Мэнкью, 2009, с. 99).

Ответы на эти и похожие вопросы исследователями даются очень разные, но почти все (за редкими исключениями) сходятся на мысли, что современные экономические теории мэйнстрима себя полностью дискредитировали, и требуется радикальная смена научной парадигмы в экономике. Приведу только некоторые аргументы, обосновывающие столь жёсткий вывод рефлексивно мыслящих учёных.

2. Критика базовых оснований мэйнстрима

Рассматривая базовые основания (принципы) экономических теорий мэйнстрима, многие авторы указывают на их устаревший характер. В силу этого они «не позволяют объективно анализировать современные социально-экономические проблемы, стоящие... перед миром, и не дают удовлетворительных теоретических и практических ответов на вызовы времени» (Бочко, 2012, с. 6).

Во-первых, это – неадекватное представление предмета экономической науки. Как отмечали А. Кирман, Д. Коландер, Г. Фельмер и другие авторитетные учёные на Международном симпозиуме «Финансовый кризис и системные ошибки академической экономики» (г. Берлин, 2008 г.), «часто употребляемое определение предмета экономической науки (проблема оптимального распределения ограниченных ресурсов) неточно и может ввести в заблуждение» (Кирман, 2010, с. 12). Не умаляя важности проблемы распределения ограниченных ресурсов, следует подчеркнуть, что это – чрезмерное упрощение предмета экономической науки. Об этом в тех или иных выражениях можно прочитать у многих авторов.

Так, один из столпов современной науки об управлении П. Друкер, возражая против увлечения экономистов поисками устойчивых закономерных состояний, справедливо замечает, что «реальность, на которую опираются естественные науки – физический мир и его законы, неизменна... В социальном мире нет аналогичных «естественных законов». Предмет изучения меняется непрерывно. А это означает, что представления, которые были справедливы вчера, могут буквально в один момент стать несостоятельными и, более того, ложными» (Друкер, 2001, с. 17).

Но самая радикальная критика искажённости представления предмета экономической науки, имеющегося в теориях мэйнстрима, звучит в работах австрийской экономической школы (Мизес, 1940) и российской школы деятельностной методологии² (Г. Щедровицкий, 1997). Л. Мизес писал, что нет никакой экономики. Есть праксиология, описывающая многообразную целенаправленную человеческую деятельность, которая и является источником всех благ,

² Эту школу часто в литературе называют «традицией Московского методологического кружка», работавшего в Москве с середины 50-х до середины 90-х годов XX века под руководством Г. Щедровицкого.

потребляемых людьми. «Экономика» – это очень грубое упрощение, или концептуальная редукция человеческой деятельности и её предмета (Мизес, 1940, с. 70; П. Щедровицкий, 2011, с. 6-7).

Являясь сторонником деятельностного подхода (Березкин, 2012) к общественным, в т.ч. экономическим явлениям, я бы добавил: принципиальным недостатком представления предмета исследования в современных экономических теориях является его «натурализм». В них мир экономики постулируется как существующий сам по себе, объективно-натуралистически, практически так же, как природный мир, безотносительно субъективной человеческой деятельности. В теоретическое рассмотрение и экономическое измерение включается не сама деятельность людей (теории мейнстрима её просто не видят), а вторичные эффекты деятельности (её последствия). Другими словами, экономические теории описывают то, что из деятельности людей «вываливается» или, наоборот, в нее втягивается – продукты, ресурсы, денежные измерители и всё остальное, с чем имеют дело экономисты.

Неустранимый «натурализм» мейнстримовских теорий проявляется ещё и в том, что в них полностью игнорируется деятельностная функциональность экономических понятий. Это значит, что в них ко всему отношение сугубо как к «вещам» (в аристотелевском смысле слова). Т.е. «ресурс» в них всегда ресурс, «продукт» – всегда продукт. И никак иначе. Между тем, в человеческой деятельности всё не так. Несколько огрубляя, можно сказать: в деятельности всё может быть всем! В зависимости от ситуации деятельностного употребления (использования), «продукт» одного процесса (структуры) деятельности в другом становится «ресурсом», в третьем – «товаром», в четвёртом – «запасом», в пятом – «деньгами». И все мы, люди, в своей бытовой жизни и работе с этими эффектами перефункционализации вещей постоянно сталкиваемся как с вполне обычными явлениями, нимало не удивляясь деятельностным метаморфозам окружающих нас вещей. Но в современных теориях мейнстрима все эти фундаментальные свойства предмета экономики полностью игнорируются, тем самым эти теории превращаются в инструменты (заведомо плохие) описания того, что *уже* безвозвратно случилось в деятельности людей. Отсюда и их безнадежно плохая прогностическая (предсказательная) способность, на которую указывают многие исследователи (Бочко, с. 6; Кирман, с. 18-19; Мэнкью, с. 99; Нижегородцев, 2012, с. 18).

Второе базовое основание: теории мейнстрима базируются на двух основополагающих принципах – принципе экономического равновесия и принципе экономического (репрезентативного) агента.

Привязка теоретических моделей мейнстрима к устойчивым состояниям экономического роста, которые лишь иногда «нарушаются внешними шоками» (Кирман, с. 11) делает саму кризисную (антикризисную) проблематику, а также проблему внутренней экономической нестабильности как бы внешней, «потусторонней» по отношению к теориям мейнстрима. Нельзя не согласиться с А. Кирманом, что «такая ситуация кажется странной» (там же).

Американский профессор Д. Ариэли недвусмысленно замечает, что именно «экономический кризис пошатнул устои классической экономической

теории, перечеркнув две основополагающие идеи, согласно которым люди обычно принимают рациональные решения, а невидимая рука рынка, если что, восстанавливает нарушенное вдруг равновесие» (Ариэли, 2009, с. 68).

Вообще, данный базовый принцип теорий мейнстрима критикуют многие серьезные ученые (2009; Бочко, 2012; Григорьев, 2010; Друкер, 2001; Хазин, 2008). Но, пожалуй, наиболее непримиримым (и подчеркну – убедительным!) критиком принципа равновесия в экономических моделях является Дж. Сорос³. В середине 1990-х годов он отмечал, что причиной неудовлетворительного состояния экономической науки «служит элегантная теоретическая конструкция, которая напоминает естественные науки, но не напоминает реальность. Она относится к идеальному миру, в котором участники действуют на основе совершенного знания, и приводит к теоретическому равновесию, в котором распределение ресурсов является оптимальным. Она имеет лишь слабое отношение к реальному миру, в котором люди действуют на основе несовершенного понимания, а равновесие недостижимо» (Сорос, 1996, с. 19–20).

А несколькими годами позже он писал по этому же поводу ещё более определенно: «Рыночное равновесие – продукт аксиоматических предположений. К реалиям жизни это отношения не имеет. Экономисты-последователи классической теории были вдохновлены достижениями ньютоновской физики... Маятник не перестаёт двигаться вокруг одной и той же точки... Именно этот «центристский» принцип позволил экономистам-теоретикам сформулировать бесконечно долго действующие правила об уравнивающей роли рынка... Концепция равновесия... может быть очень обманчивой. У неё есть аура некоторого эмпиризма. Но это – не так. Само по себе равновесие в реальной жизни наблюдается редко» (Сорос, 1999, с. 39–40).

Дж. Сорос, на мой взгляд, правильно называет это «рабским подражанием естественным наукам в областях, где это неуместно» (там же, с. 38).

Второй «кит», на котором построены все теории мейнстрима – принцип индивидуализма (или «репрезентативного агента») – тоже давно обсуждается в литературе и не имеет недостатка в критиках.

Основная критика здесь сводится к нескольким моментам: теории мейнстрима изучают не разнородные целенаправленные действия множества разных людей в сложноорганизованной деятельности, а «поведение вымышленного homo oeconomicus»⁴, или его ещё называют «репрезентативным агентом» экономики, обладающего «рациональными ожиданиями» (Кирман, с. 17). Тем са-

³ Чтобы была понятна связь критических линий, замечу, что Дж. Сорос в своё время учился у Ф. Хайека, Нобелевского лауреата 1974 г., который, в свою очередь, являлся учеником Л. Мизеса, одного из основателей австрийской экономической школы.

⁴ Л. Мизес писал по этому поводу: «Основная ошибка исторической школы *Wirtschaftliche Staatswissenschaften* в Германии и институционализма в Америке заключается в интерпретации экономической науки как описания поведения идеального типа *homo oeconomicus*. Согласно этой теории традиционная, или ортодоксальная, экономическая наука изучает не реальное поведение человека, а абстрактные и гипотетические образы. Она описывает существо, движимое исключительно экономическими мотивами, т.е. одним стремлением получить наибольшую вещественную или денежную выгоду. Такое существо, говорят критики, не имеет аналога в реальной действительности; это фантом ложной кабинетной философии. Ни один человек не подвержен исключительно страсти стать как можно более богатым, а некоторые вообще находятся вне влияния этого усредненного стремления» (Мизес, с. 50).

мым, во-первых, сложноустроенная экономика представляется некой примитивной «робинзонадой с рациональными ожиданиями»; во-вторых, выводы из теоретически предполагаемого поведения одного репрезентативного агента необоснованно распространяются на всю макроэкономику (т.е. на систему существенно более высокого уровня сложности, чем индивидуальное «хозяйство Робинзона», и неизбежно возникающими в связи с этим эффектами эмерджентности); в-третьих, подспудно предполагается, что существует одна единственная модель экономики (что, очевидно, не так); в-четвёртых, принцип рациональности ожиданий репрезентативного субъекта не является «компонентом модели, основанном на эмпирических наблюдениях за формированием ожиданий участников процесса» (Кирман, с. 15). Это лишь удобное (для построения теории) внешнее предположение, никак не соотносящееся с тем, как в действительности принимаются решения экономическими субъектами. «Они (экономические субъекты – Ю. Б.), наоборот, демонстрируют различные формы «ограниченной рациональности», используя эвристические правила принятия решений, не воспринимая новую информацию и т.д. На финансовых рынках они подвержены сильному влиянию эмоциональных и гормональных реакций» (там же, с. 17).

Третье базовое основание теорий мэйнстрима, нещадно критикуемое в литературе, касается используемого в них метода. Суть критики здесь в том, что экономические теории мэйнстрима утратили (или даже никогда не имели) собственного метода исследования. Физикализация и натурализация оснований этих теорий привела к неумеренному стремлению к их математизации. Этот факт, в частности, фиксирует В. Бочко: «Метод экономического исследования... «уходит» в математизацию, что позволяет повысить точность анализа и моделирования, а с другой – ведёт к потере связи с предметом исследования» (Бочко, с. 12).

Профессор Гарварда (США) Н. Г. Мэнкью указывает на тот же изъян мэйнстрима, только немного в более политкорректных выражениях: «Для науки строгость, которую предложили новые классики, весьма привлекательна. Но... цена такой строгости слишком велика» (Мэнкью, с. 94).

Один из крупнейших специалистов по математической экономике А. Кирман тоже вынужден был констатировать, что «математическая строгость и точность в вычислении» ведёт к «опасности иллюзии контроля» и «скрывает принципиальную слабость допущений» теоретических моделей мэйнстрима (Кирман, с. 15).

Существенно более жёстко высказывается на этот же счёт Нобелевский лауреат по экономике (1988 г.) французский экономист М. Аллэ: «Появилась масса псевдотеорий, основанных на механистическом применении эконометрики и статистики. Вместе с тем... целые области экономики, а их большинство, могут прекрасно изучаться без помощи математики... В течение четырёх десятилетий экономическая литература развивалась в ошибочном направлении: в сторону математического формализма, что представляет собой, по сути дела, большой шаг назад» (Аллэ, 1989, с. 26).

Член Палаты лордов Великобритании профессор Р. Скидельски не менее откровенен по отношению к роли математизации в современной экономической

теории: «Только что разорвавшийся кредитный пузырь... был построен на иллюзиях математического моделирования... Экономика находится даже довольно далеко от того, чтобы быть наукой... Экономике научный вид придают её предположения, которые могут выражаться в математическом виде, абстрагируясь от многих решающих особенностей реального мира» (Скидельски, 2008).

Видный английский экономист М. Блауг в докладе на международной конференции «Факты и фикции в экономической науке» (2002 г.) говорил: «Современная экономическая наука больна. Она всё больше превращается в интеллектуальную игру ради самой игры, независимо от её практической пользы. Экономисты постепенно подменили свой предмет, обратив его в некую социальную математику» (Блауг, 2002, с. 36).

Наконец, Нобелевский лауреат (1988 г.) П. Кругман также отмечал, что «за последние 30 лет макроэкономика была в лучшем случае впечатляюще бесполезна, а в худшем – просто вредна» (Кругман, 2009, с. 11).

И это – далеко неполный перечень критических высказываний тех известных экономистов, кто понял всю несостоятельность современного экономического мейнстрима только из-за того, что он чрезмерно математизирован в ущерб делу.

3. Экономика как человеческая деятельность

Если же принять логические основания прaksiологии австрийской школы или её более развитой версии – российской деятельностной методологии, то мы вынуждены будем констатировать, что сам факт использования (даже не чрезмерного) математических методов в экономических исследованиях прямо указывает на непонимание экономистами мейнстрима самых принципиальных моментов онтологии человеческой деятельности. Дело в том, что деятельность в принципе не может быть описана математическими методами⁵ (во всяком случае, созданными математиками до сих пор).

Так, Л. Мизес на этот счёт пишет совершенно определённо: «Физику не свойственно искать конечные причины, так как ничто не указывает на то, что события, являющиеся предметом физических исследований, могут быть истолкованы как результат деятельности существа, преследующего цели, наподобие человека. Праксиолог, исследователь человеческой деятельности, не может игнорировать воздействие волеий и намерений действующего существа; это факты, не подлежащие сомнению. Если бы он ими пренебрёг, то прекратил бы изучать человеческую деятельность» (Мизес, с. 23). И чуть ниже разъясняет: «Науки о человеческой деятельности радикально отличаются от естественных наук. Все авторы, стремящиеся построить... систему наук о человеческой дея-

⁵ Чтобы у читателя не возникали сомнения, отдаю ли я себе отчёт в том, что утверждаю, поясню. Я окончил Новосибирский государственный университет, получив диплом «экономиста-математика», после этого 20 лет работал в академической науке, занимаясь научными исследованиями с использованием экономико-математических моделей (в т.ч. защитил по этой тематике кандидатскую диссертацию), пока окончательно не убедился в их практической бесполезности. Поэтому мне представляется, что я достаточно хорошо понимаю, о чём пишу.

тельности в соответствии с моделью естественных наук, безнадежно заблуждаются» (там же, с. 32).

К деятельности людей не могут быть применены математические (количественные) методы, поскольку «здесь мы сталкиваемся с одним из основных различий между физикой и химией, с одной стороны, и науками о человеческой деятельности, с другой. В мире физических и химических событий существуют (или, по крайней мере, считается, что существуют) постоянные зависимости между величинами, и человек способен открыть эти постоянные с разумной степенью точности с помощью лабораторных экспериментов. Аналогичные постоянные зависимости отсутствуют в сфере человеческой деятельности... Невозможность измерения состоит не в недостатке технических методик определения меры... Если бы это было связано лишь с техническими трудностями, по крайней мере, приблизительная оценка в некоторых случаях оказалась бы возможной. Но истина заключается в отсутствии постоянных соотношений. Вопреки постоянным заклинаниям невежественных позитивистов, экономическая теория не является отсталой наукой из-за того, что не носит количественного характера. Она не является количественной и не производит измерений, так как отсутствуют константы. Статистические цифры, относящиеся к экономическим событиям, это исторические данные» (там же, с. 44-45).

Эти и подобные утверждения могут вызвать недоумения у читателя: ведь всем же очевидно, что экономисты во все века что-то считали – деньги, объёмы производства и т.п. – с использованием количественных методов. О чём же тогда пишет классик австрийской экономической школы? Попробую кратко пояснить.

Да, экономисты считали всегда. Но, что считали? Считали и до сих пор считают ни что иное, как материализованные вторичные эффекты, или «следы», человеческой деятельности. Считают то, что уже вышло из какого-то её деятельностного акта. Но саму деятельность людей посчитать невозможно. Для её научного описания нужны принципиально иные, не математические методы. Нужны методы, позволяющие ухватывать структуры и способы организации самой деятельности, а также её реорганизации и развития.

В этом плане основная претензия к теоретикам мейнстрима состоит в том, что бессмысленно строить математические модели оптимального распределения ограниченных ресурсов, если «за бортом» (вне поля зрения этих моделей) остаются логически более первостепенные вопросы: как была организована деятельность людей, вследствие чего ресурсы стали дефицитными? И как будет организована деятельность других людей, в которой эти ресурсы будут использоваться? Без ответов на эти и подобные вопросы игра в математические модели макроэкономики становится похожей на сеансы спиритизма (с той же практической пользой, что и у последних). Стандартный же ответ экономистов мейнстрима, что «рынок всё сам организует» после экономического краха 2008 года уже не убеждает даже многих сторонников либерализма в экономике.

4. Что вместо математизированной экономической теории?

У читателя может возникнуть законный вопрос: если экономические теории мейнстрима, базирующиеся на посылах, не соответствующих современной экономической реальности, и неадекватных (с точки зрения предмета экономической науки, коим является деятельность) математических методах моделирования, себя полностью дискредитировали и должны быть отброшены, тогда что может быть предложено взамен?

Ответов на этот животрепещущий в посткризисный период вопрос в литературе можно найти не меньше, чем критиков мейнстрима. Качественные характеристики этих ответов тоже очень сильно варьируют. Есть совсем простые. Таким примером может быть работа (Габдуллин, 2013), в которой предлагается построить «новую теорию», которая объединяла бы в себе практически все известные методологические подходы: от социальной философии и политэкономии до теории систем и макроэкономической теории (там же, с. 20). Правда, автор, к сожалению, не говорит, как такое может быть в принципе возможно⁶? Мне представляется, что обсуждать практическую значимость этого и подобных предложений не имеет особого смысла.

Встречается в литературе и противоположная крайность, которую можно условно назвать «экзотическими» предложениями. К одной из таких я бы отнёс работу (Кузнецов, 2012), в которой предлагается отказаться от «существующих экономических суждений (гипотез, учений, теорий)» и заняться построением «метаэкономики», «в которую вкладывается смысл, экономические утверждения и дефиниции, формулируемые на основе взгляда на хозяйственную деятельность на Земле с позиций наблюдения за поверхностью планеты из Космоса» (там же, с. 5).

И хотя автор в качестве обоснования своей идеи приводит очень точное высказывание Дж. М. Кейнса: «...Если ортодоксальная экономическая наука заходит в тупик, причину следует искать не в общей структуре, которая с большим тщанием была доведена ранее до логической стройности и непротиворечивости, но в отсутствии ясности и общности в посылах» (там же), на мой взгляд, Кейнс вряд ли имел в виду, что для решения злободневных вопросов современности нужно занять «позицию наблюдателя за поверхностью планеты из Космоса». Как мне представляется, он имел в виду совсем другое: если научные теории, которые долго доводились до совершенства, перестают работать, надо задуматься над заложенными в них посылами и заменить их. Что он, собственно, и сделал: отбросил научно-теоретические посылы, выработал инженерные и стал первым экономическим инженером⁷. А позиция наблюдателя,

⁶ Давно показано, что разнопредметные научные знания не «скрещиваются». А если учёные начинают строить знание на стыке разных научных предметов, то получается не синтез разнопредметных знаний, а ещё один (новый) предмет. Так, например, в своё время Н. Курнаков создал физическую химию (Г. Щедровицкий, с. 31), аналогично появились биохимия, социальная психология и другие «гибридные» предметы. Никакой междисциплинарной теории быть не может по определению.

⁷ Как пишет Н. Мэнкью, называющий себя практически работающим экономическим (финансовым) инженером: «...Развитию нашей дисциплины (имеется в виду «макроэкономика» – Ю.Б.) способствовали усилия двух типов макроэкономистов: тех, кто понимает её как род инженерии, и тех, кто видит в ней чистую науку. Инженеры – это в первую очередь люди, решающие конкретные задачи. Цель учёных – понять, как устроен мир... Если первые их поколения пытались решать практические задачи, то затем исследователи стали больше интересоваться развитием аналитических средств и разработкой теоретических принципов... Существенные расхо-

тем более из Космоса, всё равно остаётся теоретической⁸, ничего не решающей на практике.

Вообще, о необходимости создания новой макроэкономической теории (модели), которая была бы междисциплинарной, лучше описывала новые посткризисные реалии в мировой экономике, обладала прогностической функцией, учитывала гетерогенные взаимодействия экономических агентов, была бы лучше обоснована эмпирически и восполняла другие недостатки нынешних теорий мейнстрима, пишут многие критически настроенные авторы. При этом, даже если некоторые авторы действительно нащупывают рациональные основания для преодоления «рабского подражания естественным наукам», то и тогда, к сожалению, зачастую не удаётся преодолеть «плен теоретизма». Вот яркий тому пример.

В. Бочко, на мой взгляд, очень точно пишет: «Ведущей особенностью современного развития экономики как комбинации неоднородных факторов является отход от стихийного их перекомбинирования и переход в массовом порядке на *рукотворное*, т.е. сознательное и целенаправленное действие» (Бочко, с. 9). И далее: «Рукотворными являются не только положительные экономические преобразования..., но и негативные. Например, экономические кризисы, обвал валют или отдельных производств, банкротство предприятий и целых территорий» (там же).

Казалось бы, только один шаг осталось сделать, чтобы сказать: нужно отбросить попытки улучшить обанкротившиеся экономические теории (что после кризиса стало очевидно даже слепому) и заняться этими самыми «*рукотворными*, т.е. сознательными и целенаправленными действиями». А действия людей – это совсем другая «материя». Она научно-теоретически не схватывается и в научной теории не описывается. Тем не менее, буквально через страницу автор всё равно пишет о «необходимости появления новой теории», да ещё – «междисциплинарной» (там же, с. 11). Что называется – комментарии излишни.

Здесь, как мне представляется, следует сделать небольшое пояснение методологического характера. В работах по методологии науки⁹ уже относительно давно отрефлектированы и описаны условия построения научных теорий в рамках наук Нового времени, которые начали развиваться с XVII века. В первых, показано, что любая научная теория¹⁰ – всегда *предметна*, или носит частичный характер, описывает мир с какой-то одной (зафиксированной в предмете) стороны (межпредметных теорий не может быть в принципе). Во вторых, для построения научной теории необходимо в мыслительном плане по-

ждения между ними – факт, униженный для всех макроэкономистов... Сам Кейнс и те, кто разрабатывал кейнсианские модели, были талантливыми инженерами» (Мэнкью, с. 86, 88).

⁸ Слово θεωρία в переводе с древнегреческого «смотрение, наблюдение», произошло от двух слов θεω – «вид, зрелище» + ὄραω – «смотрю, вижу». θεωρητικός – «умозрительный, созерцательный, теоретический». «Теоретиками» в Греции называли зрителей в театре, которые наблюдали за представлением, не вмешиваясь в действие. И любая научная теория построена на этом же принципе – наблюдение и описание без вмешательства.

⁹ Работ этих – огромное множество, те, что имеются в списке литературы данной статьи (Березкин, 2012; Копылов, 1996; Г. Щедровицкий, 1997) – лишь малая толика.

¹⁰ Поскольку общественные науки (социология, экономика и другие) были построены позже естественных наук и по их «образу и подобию», т.е. сняв кальку с требований научности, предъявляемых к естественным наукам, прежде всего к физике, то всё излагаемое ниже в полной мере должно относиться и к экономическим теориям.

строить *идеальный объект* исследования¹¹. В-третьих, основным свойством идеального объекта (и связей в нём) в любой науке является *инвариантность*, т.е. неизменность и независимость от того, что делает учёный в процессе исследования, и от полученных о нём знаний (результатов исследования). В-четвёртых, обязательно делается предположение, что мыслительный идеальный объект может быть найден в реальности, но не напрямую (не за счёт натурального опыта), а в искусственно-технически созданных *экспериментальных условиях*.

Последний, четвёртый, пункт здесь особенно важен. Так, Г. Копылов, много лет отдавший изучению методологии науки, об этом очень точно пишет: «У каждой науки есть свой «технический спутник» – соответствующая инженерия... Под ней, как принято, понимается совокупность знаний и приёмов, которая... носит конструктивно-техническую направленность (т.е. эти знания отвечают не на вопрос «Как устроено?», а «Как сделать, чтобы...? или «Что будет, если...?»)... Так, параллельно с наукой механикой существует – под тем же именем – механика как инженерия; инженерией для биологии человека служит медицина, для генетики – генная инженерия и т.п. Инженерные знания реализуются в создаваемых на их основах производствах и технологиях... Современная ядерная физика описала более двух сотен элементарных частиц, но все они существуют *только* (курсив мой – Ю. Б.) внутри специальных прибороускорителей... «Полноценный» научный мир формируется только при том условии, что онтологические представления реализуются в нём с помощью собственно инженерных методов» (Копылов, с. 16, 18, 19).

Если теперь снова взглянуть через данную «призму» условий построения и проверки научной теории на критику экономических теорий мэйнстрима, то легко обнаружить три вещи. Во-первых, во многом экономисты-теоретики мэйнстрима правы, а их критики – не правы. Нетрудно видеть, что в мэйнстриме есть свой частный предмет (оптимальное распределение ресурсов), есть свой идеальный объект (*homo oeconomicus*, или репрезентативный агент), он – неизменен и напрямую не соотносится с реальными экономическими агентами.

Поэтому вся та критика, которая указывает на то, что в мэйнстримовские теории не встроены факторы возникновения кризисов, или что в этих теориях нет живых людей, или что эти теории не соответствуют эмпирической реальности – «бьёт» мимо. Ничего такого и не должно быть в теориях мэйнстрима. В них всё – как в любой нормальной научной теории, за исключением «малости»: в них не предусмотрен четвёртый пункт – инженерная экспериментальная проверка научных теорий мэйнстрима. Это – во-вторых. И в этом неправы уже теоретики мэйнстрима, полагая, что «кейнсианская инженерия основана на псевдонауке» (Мэнкью, с. 90). Ведь никакая инженерия (в т.ч. экономическая) и не должна быть основана на науке. Всё как раз наоборот: инженерия с её специфическими методами даёт (или не даёт) право науке называться Наукой, подтверждая (или не подтверждая) в эксперименте научно-теоретические идеализации. Но почти *никто* (!) из критиков экономических теорий мэйнстрима не

¹¹ К реальности ни одна научная теория напрямую отношения не имеет, только через посредство идеальных объектов. Примерами идеальных объектов изучения в разных науках являются «идеальный маятник», «абсолютно твёрдое тело» – в физике, «химический элемент» – в химии, «клетка» – в биологии, «ген» – в генетике и т.д.

указывает на этот их принципиальнейший недостаток, который делает их, по сути, псевдотеориями. И это уже в-третьих.

В результате Н. Мэнкью вынужден был констатировать: «Тот факт, что современные макроэкономические исследования недостаточно широко используются в реальном политическом планировании, свидетельствует лишь о том, что в них мало практической пользы. Возможно, они и значительны для науки, но вклад их в макроэкономическую инженерию невелик» (Мэнкью, с. 99). И чуть ниже добавляет: «Согласно известному изречению Дж. М. Кейнса, было бы чудесно, если бы экономистам удалось убедить людей воспринимать их в качестве скромных компетентных профессионалов, как, например, зубных врачей. Он надеялся, что научная макроэкономика разовьётся в полезный и привычный вид инженерии. В этой утопии предотвратить рецессию станет так же легко, как поставить пломбу»... С точки зрения инженерии работа последних десятилетий кажется в целом неудачной» (там же, с. 101).

5. Заключение

Вывод американского специалиста неутешительный. Но поскольку в США экономическую (финансовую) инженерию уже преподают в университетах, и «за редкими исключениями, старшекурсники обычно стремятся быть инженерами, а не учёными» (там же, с. 100), как мне представляется, там мода на теории мейнстрима должна пройти очень скоро.

Сложнее дела обстоят в России. В российских экономических вузах студентов продолжают «накачивать» теориями экономикса, макро- и микроэкономики, массированно преподают практически бесполезные методы математического программирования¹², но нигде (за редчайшими исключениями, примером которого является Тольяттинская академия управления) не учат экономической (финансовой) инженерии. И хотя некоторые российские учёные, в частности Р. Нижегородцев, пишет: «Налицо крах либеральной доктрины управления экономикой, приведшей современные макроэкономические системы в тупик, выход из которого возможен только на путях применения кейнсианских рецептов экономической политики» (Нижегородцев, 2009, с. 9), делать это в России практически некому – профессионалов в области экономической (финансовой) инженерии, по сути, нет совсем.

Между тем, в России есть все основания, чтобы данную профессию достаточно быстро (за пару десятилетий) развить, если образовательным сообществом будет осознана необходимость в ней. В отличие от США, где экономическая (финансовая) инженерия, что называется, осуществляется «наощупь», без должного методологического фундамента, такой фундамент в принципе давно был заложен в трудах австрийской экономической школы, а затем был существенно развит в многочисленных работах участников Московского методологического кружка. К сожалению, эти фундаментальные наработки оказались пока не востребованными в России из-за «рыночной лихорадки» и слепого следования американским рецептам реформирования экономики.

¹² Всё это предусмотрено действующими Федеральными государственными образовательными стандартами.

Методы экономической инженерии базируются на деятельностных и мыследеятельностных представлениях. Так, Л. Мизес еще в 1940 г. писал: «Деятельность и мышление являются со-родными и гомогенными; их можно даже назвать двумя аспектами одного предмета. Мышление путем чисто логического рассуждения способно прояснить существенные характерные черты деятельности. Это выступает следствием того факта, что деятельность является ветвью мышления» (Мизес, с. 33).

А четверть века спустя, в 1966 г., формулируя пункты программы своих методологических исследований Г. Щедровицкий пишет¹³: «...Мы сейчас говорим, что стоит задача построить теорию мышления и теорию деятельности как собственно научные, а не философские дисциплины» (Г. Щедровицкий, с. 258).

За последующие 30 лет в Московском методологическом кружке был детально разработан деятельностный, а затем и мыследеятельностный подходы. На этой основе учениками Г. Щедровицкого были проработаны методы общественной инженерии¹⁴. В частности, об этом пишет и Г. Копылов в заключение уже упомянутой выше статьи, где рассматриваются методологические вопросы соотношения науки и инженерии: «Мы считаем, что изложенная точка зрения на соотношение «реальности», научных идеализаций и законов и инженерных миров являет собой логическое следствие системодетельностных взглядов на структуру и развитие науки, развитого в трудах Московского методологического кружка в 50-70 годы, и, соответственно, деятельностного подхода» (Копылов, с. 22).

Подводя итог, сформулирую тезис, ради которого, собственно, и писалась данная статья: с моей точки зрения, действительно реальным выходом из той ситуации, в которую попала экономическая наука после финансового кризиса 2008 года, является выход за рамки экономических теорий (всех!) и освоение уже наработанных деятельностной методологией методов экономической (финансовой) инженерии. А такие методы существуют¹⁵.

Список литературы

1. Ариэли, Д. (2009). Конец рациональной экономики. *Harvard Business Review*. Россия. Октябрь. 66-72.
2. Аллэ. М. Единственный критерий истины – согласие с данными опыта (1989). *МЭ и МО*. Москва. 11. 26.
3. Березкин, Ю. (2001). *Проблемы и способы организации финансов*. Иркутск. Иркутская государственная экономическая академия – http://berezkin.info/?page_id=2. (Дата обращения 11.12.2013).

¹³ Достоверно известно, что в Московском методологическом кружке тех лет труды Л. Мизеса не были известны из-за «железного занавеса». Поэтому методологические исследования мышления и деятельности проводились независимо от работ австрийской экономической школы. Но впоследствии выяснилось, что они во многом перекликались.

¹⁴ См. мой персональный сайт, на котором представлена обширная библиотека методологических текстов (более 1000 единиц), в т.ч. по проблемам общественно-экономической инженерии: www.berezkin.info.

¹⁵ В частности, автор этих строк защитил докторскую диссертацию по проблемам и методам финансовой инженерии (Березкин, 2001).

4. Берёзкин, Ю. (2009). Причины финансового «кризиса». *Известия Уральского государственного экономического университета*. Екатеринбург. 2 (24). 52-61.
5. Берёзкин, Ю. (2012). *Основания деятельностной методологии*. Иркутск. Байкальский государственный университет экономики и права. – http://berezkin.info/?page_id=2. (Дата обращения 11.12.2013).
6. Блауг, М. Ugly Currents in Modern Economics (2002). In: *Facts and Fictions in Economics. Models, Realism and Social Construction*. Ed. by U. Maki. Cambridge. 35-56.
7. Бочко, В. (2012). Кризис основного течения современной экономической теории: содержание и следствия. *Известия Уральского государственного экономического университета*. Екатеринбург. 2 (40). 5-15.
8. Габдуллин, Р. Управление экономическими системами в посткризисный период: теория и генезис методологических подходов (2013). *Известия Уральского государственного экономического университета*. Екатеринбург. 3-4 (47-48). 14-21.
9. Григорьев, Л., Иващенко, А. Теория цикла под ударом кризиса (2010). *Вопросы экономики*. Москва. 10. 31-55.
10. Друкер, П. Задачи менеджмента XXI века (2001). Москва. Вильямс.
11. Кирман, А. Финансовый кризис и провалы современной экономической науки (2010). *Вопросы экономики*. Москва. 6. 10-25.
12. Копылов, Г. Научное знание и инженерные миры (1996). *Кентавр. Методологический и игротехнический альманах*. Москва. 1. 16-22.
13. Кругман, П. What Went Wrong with Economics (2009). *The Economist*. July 18th. 11-12
14. Кузнецов, Б. Метаэкономика: проблемы экономического будущего человечества (2012). *Известия Уральского государственного экономического университета*. Екатеринбург. 4 (42). 4-10.
15. Мизес, Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории (1940). – http://berezkin.info/?page_id=672 (Дата обращения 11.12.2013).
16. Мэнкью, Н. Г. Макроэкономист как учёный и инженер (2009). *Вопросы экономики*. Москва. 5. 86-103.
17. Нижегородцев, Р. Мировой финансовый кризис: новые угрозы и новые возможности (2009). *Известия Уральского государственного экономического университета*. Екатеринбург. 1 (23). 4-12.
18. Нижегородцев, Р. Мировой финансовый кризис: предчувствие второй волны (2012). *Известия Уральского государственного экономического университета*. Екатеринбург. 2 (40). 16-24.
19. Скидельски, Р. Прощальное слово неоклассической революции (2008). *Project Syndicate*. USA. 26 September. – <http://www.inosmi.ru/world/20080926/244278.html>. (Дата обращения 11.12.2013)
20. Сорос, Дж. Алхимия финансов (1996). Москва. ИНФРА-М.
21. Сорос, Дж. Кризис мирового капитализма (1999). Москва. ИНФРА-И.
22. Татаркин, А., Татаркин, Д. Причины мирового финансового кризиса и возможные сценарии развития России в условиях глобализации (2009). *Известия Уральского государственного экономического университета*. Москва. 1 (23). 13-23.
23. Хазин, М. Теория кризиса (2008). – <http://design-for.net/page/teorija-krizisa-hazina>. (Дата обращения 11.12.2013)
24. Щедровицкий, Г. Философия. Наука. Методология (1997). Москва. Школа Культурной Политики.
25. Щедровицкий, П. Повестка дня 2010-х. Цикл лекций (2011). 4-7 сентября. Иркутск. – http://www.fondgp.ru/lib/mmk/180/TCikl_lektcij_v_Irkutske_Povestka_dnya_2010-h.pdf. (Дата обращения 11.12.2013).